

всех известных народов и земель, всего человеческого рода. Но так как понятие всеобщего в человечестве перешло в числительное, в полноту частей, то подобные извлечения при их краткости должны были превратиться в сухие нотенклатуры.

Но это недоразумение не было случайное. Именно в этом богатстве собранного материала, во внешнем распространении являлась внутренняя пустота века. Сухое просвещение вытеснило веру, которая прежде доставляла внешнее положительное единство; с другой стороны, при владычестве эмпиризма не могла возникнуть идея, что в истории есть внутреннее живое единство. Она являлась собранием бесконечного множества атомистически отдельных событий, лиц и пр., между которыми только иногда было случайное внешнее сообщение. От этого неизбежная неудача всех попыток извне одолеть упрямые материалы и дать им произвольную форму. Отсюда распря между приверженцами этнографической и синхронистической методы и попытка примирить их чрез разделение на периоды, которые безжалостно режут историю народов на части с целью доставить читателю точки отдохновения: потому периоды не должны быть ни слишком кратки, ни слишком длинны; потом стремление к математической симметрии, к разложению на таблицы, наконец, признание, что распределение частей есть мозаическая работа, нечто совершенно внешнее, произвольное, ненужное для «действующего изнутри духа»,— все это может служить доказательством отсутствия живого исторического воззрения и художественного смысла. Вредно было и то, что за образец приняли прагматизм древних и привыкли считать его верхом исторического искусства.

Одна из труднейших задач всемирного историка состоит в выборе фактов, который должен быть более или менее строг, смотря по объему изложения. Легко сказать: должно выбрать важнейшие, замечательнейшие факты. Но что же важно и замечательно? Это чисто относительные понятия, которые не ведут к твердым определениям. Ближайший ответ: важно то, что для предмета, о котором идет дело, существенно. Но в 18 веке на вещи смотрели только по их внешним отношениям, преимущественно со стороны пользы. Выбор, следовательно, падал на полезное для читателя; на то, что практически могло быть приложено. Такие цели пользы могли быть весьма развиты. Прагматическая история Полибия имела в виду образование государственных мужей; позже, с упадком республик, усилились разнообразные интересы частной жизни, как у Диодора Сицилийского цель поощрения к справедливости, благочестию и пр.; история у него — философия в примерах, источник, откуда каждый может брать что угодно.

Сходство положений привело новейших историков к такому же прагматизму, как у Диодора Сицилийского. В[семирная] и[стория] должна бы, по этой теории, принять в себя не только события, которых созерцание могло на нас иметь нравственное влияние, но она должна быть кладовою наставлений для всех сословий, содержать все, что людям может приносить пользу при разнообразии их призваний. Ясно, что при стремлении удовлетворить требования каждого с его любой точки зрения, история должна была превратиться в пеструю смесь и утратить последний остаток единства. Вообще о практической пользе истории нечего много говорить: весьма немногим досталось в удел довольно основательности и свободы ума для удачного применения ее уроков к жизни, не говоря о положении в обществе. В[семирная] история должна, как уже давно сделала наука естества в обширном смысле, оградить себя от всех ежедневных интересов и требований и принять совершенно самостоятельный характер. Она должна представить такие частные цели частным теориям; чрез это само ее влияние на жизнь будет чище и вернее, ибо она удержит приличный ей характер и созерцание; вследствие сих же причин должны быть отброшены лежащие в сущности прагматизма рассуждения и приговоры историка в моде с Вольтера» (Автограф. ГБЛ, ф. 84, оп. 1, ед. хр. 12, л. 1—2 об.).

⁸ Здесь запись не точна. Во введении к учебнику Т. Н. Грановский писал: «В 1532 году была издава в Виттенберге хроника Иоанна Кариона, берлин-